

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Шарп выругался и раздраженно перевернул карту вверх тормашками:

— Ну и на кой черт нам эта бумажка? Толку никакого.

— Можно костер разжечь, — предложил сержант Харпер. — Хорошую растопку в этих холмах найти трудно.

— Ни на что другое она и не годится.

Нарисованная от руки карта показывала разбросанные тут и там деревеньки; тонкие, словно оставленные паучьими лапками, линии обозначали дороги, речки и ручейки, а неясная штриховка — холмы. Шарп же видел повсюду только горы. Ни дорог, ни деревень — одни лишь серые, унылые горы с каменными осыпями и кроющимися в тумане вершинами да узкие долины, выточенные потоками, полноводными, с шапками белой пены в весеннюю пору дождей. Придя на это взгорье у границы Испании и Португалии, Шарп сбился с пути. Его роту из сорока солдат с мешками, ранцами и подсумками данный факт нисколько, похоже, не беспокоил. Радуюсь возможности отдохнуть, они сидели или лежали на травянистой тропинке. Одни раскурили трубки, другие уснули, а капитан Ричард Шарп снова повернул карту правильной стороной вверх и затем в сердцах смял ее в комок.

— Мы заблудились, черт возьми, — проворчал он и тотчас, отдавая дань справедливости, поправил себя: — Я, черт возьми, заблудился.

— Мой дед тоже как-то заблудился, — услужливо заметил Харпер. — Купил быка в приходе Клакенили и решил, чтоб покороче, пройти через горы Дерривиг. А там туман накатил, да такой, что дед дальше своего носа не видел. Заплутал, как ягненок несмышленный. И тут бык рванул в сторону да и свалился со скалы в долину Барра. Бедная животина редела, пока летела, а потом грохнулась с таким звуком, будто волынка с колокольни упала, только громче. Дед говорил, слышно было даже в Баллибофи. Мы потом частенько над ним потешались, но только потом, не тогда. Тогда это была трагедия. Потерять хорошего быка — такого мы себе позволить не могли.

— Да господи ты боже мой! — оборвал его Шарп. — А вот я могу позволить себе потерять чертова сержанта, который только и знает, как языком молоть про какого-то чертова быка!

— Не какого-то, а дорогущего! — возразил Харпер. — Кроме того, мы же заблудились. И делать тут больше нечего, сэр, как только ждать.

— Так мы заблудились, сэр? — Шедший в арьергарде колонны лейтенант Прайс прошел вперед, к командиру роты.

— Нет, Гарри. Это я сюда притащился. А сюда — это куда, и сам не пойму. — Шарп угрюмо оглядел сырую, открытую ветру долину. Он всегда гордился своим чувством направления и умением ориентироваться в незнакомой местности, но теперь заблудился окончательно и бесповоротно, а густые тучи затянули солнце так, что он не мог определить даже, где север. — Нужен компас.

— Или карта? — радостно предложил лейтенант Прайс.

— Да есть у нас эта треклятая карта. Вот. — Шарп сунул в руку лейтенанту комок. — Ее майор Хоган нарисовал, а для меня это китайская грамота.

— Я сам в картах не силен, — признался Прайс. — Вел однажды новобранцев из Челмсфорда в казармы, да и то заблудился, а ведь там дорога прямая. И карта была. Должно быть, талант такой есть — теряться в трех соснах.

— Вот и мой дед такой был, — с гордостью сказал Харпер. — В ворота не мог пройти, чтобы не застрять. Я тут рассказывал капитану, как дед быка потерял на горе Слайв-Снагт. Понимаете, погода выдалась мерзкая, а ему взбрело в голову срезать дорогу и...

— Заткнись! — сердито бросил Шарп.

— Думаю, мы после этой вот порушенной деревушки не туда двинулись, — сказал Прайс, пытаясь разобраться в знаках на смятом листке. — Полагаю, сэр, нам следовало остаться на том, другом берегу речки. — Лейтенант показал Шарпу место на карте. — Если это деревня. Трудно сказать. Но речку переходить точно не стоило.

Шарп и сам подозревал, что лейтенант прав, но признавать ошибку не хотел. Речку они перешли два часа назад, и где находились теперь, о том ведал лишь Господь. Шарп даже не был уверен, что они в Испании, а не в Португалии, хотя и пейзаж, и погода больше напоминали Шотландию. Предполагалось, что он выйдет к Вилар-Формозу, где его легкая рота Южного Эссекского полка будет передана в распоряжение коменданта города для несения гарнизонной службы. Перспектива эта приводила Шарпа в уныние.

Караульная служба стояла лишь на ступеньку выше службы в военной полиции, а провосты считались низшей формой армейской жизни, но Южный Эссекский понес потери, из-за чего был отведен с передовой и направлен для исполнения административных обязанностей. Большая часть полка сопровождала запряженные быками повозки с припасами, доставлявшимися на баржах вверх по реке Тахо в Лиссабон, или конвоировала пленных французов в порт для отправки их в Британию. Но рота Шарпа заблудилась, а все потому, что он услышал далекую канонаду, напоминающую раскаты грома, и повернул на юг — с опозданием обнаружив, что слух сыграл с ним злую шутку. Шум боя — если то и впрямь был бой, а не настоящий гром — стих, и Шарп оказался неизвестно где.

— Уверены, что это разрушенная деревня? — спросил он.

— Клясться я бы не стал, поскольку читать карты не умею. Может, эти крестики что-то и значат, а может, и ничего.

— Тогда на кой черт вы мне их показываете?

— В надежде на озарение, сэр, — обиженно сказал Прайс. — Просто пытался помочь. Обнадежить. — Он снова посмотрел на лист бумаги. — Может, это не очень точная карта?

— Растопка добрая выйдет, — повторил Харпер.

— Одно ясно. — Шарп забрал у лейтенанта карту. — Водораздел мы не пересекали, а значит, все эти речушки должны течь на запад. — Он помолчал. — Может, они так и делают. Если только чертов мир не перевернулся, что очень даже вероятно, но на случай, если он все же не перевернулся, пойдем вдоль чертовых речек. Лови! — Шарп бросил карту сержанту. — На растопку.

— Вот и мой дед так, — сказал Харпер, засовывая бумагу под линиялый и рваный зеленый мундир. — Шел за водой да и...

— Заткнись, — оборвал его Шарп, но уже не зло, как в прошлый раз, а довольно спокойно, и сделал жест левой рукой, заставив товарищей пригнуться. — Чертов лягушатник, — добавил он негромко, — или еще кто. Впервые такую форму вижу.

— Чтоб ему!.. — выругался Прайс, опускаясь на тропинку.

Дело в том, что впереди, не далее как в двухстах ярдах, появился всадник. Британских пехотинцев он не видел, да и высмотреть противника, похоже, не старался. Лишь выехав из долины, седок устало спешился и, намотав поводья на руку, расстегнул мешковатые штаны и помочился у тропинки. В сыром воздухе поплыл, покачиваясь, дым от трубки.

Щелкнула винтовка — Харпер взвел курок. Люди Шарпа, включая тех, кто успел уснуть, насторожились и замерли в траве, так что, даже если бы всадник повернулся в их сторону, он бы вряд ли кого-нибудь увидел.

Рота состояла из стрелков-ветеранов, обученных не хуже любых других европейских солдат и закаленных двумя годами боев в Португалии и Испании.

— Узнаёте форму? — негромко спросил Шарп у лейтенанта.

— Никогда прежде не видел, сэр.

— Пэт? — спросил Шарп у Харпера.

— Похож на треклятого русского, — ответил Харпер.

Ни одного русского солдата сержант в глаза не видел, но почему-то вбил себе в голову, что они носят серое, а загадочный незнакомец как раз и был весь в сером: короткий серый колет драгуна, серые штаны и серый плюмаж из конского волоса на сером стальном шлеме. Хотя, подумал Шарп, возможно, всадник просто прикрыл шлем тряпичей, чтобы металл не отражал солнечные лучи.

— Испанец? — вслух предположил Шарп.

— Доны любят наряды поцветистее, — возразил Харпер. — Помирать в таком унылом тряпье — это им не по нраву.

— Может, партизан, — продолжал размышлять Шарп.

— Оружие и штаны как у лягушатника, — указал Прайс.

И действительно, справлявший малую нужду человек был вооружен, как французский драгун: прямой кавалерийский клинок, короткоствольный карабин в седельном чехле и пара пистолетов за поясом. Одежда его состояла из шаровар-саруэлов — французские драгуны носили их охотно, но только не серые — и серого кителя, подобного которому Шарп не видел ни на одном вражеском кавалеристе. Они предпочитали зеленые, но не темно-зеленые, как у британских стрелков, а посветлее и поярче.

— Может, у этих ублюдков зеленая краска кончилась? — высказался Харпер и тут же смолк, поскольку всадник застегнул штаны и забрался в седло.

Тщательно оглядевшись и не увидев ничего подозрительного, незнакомец прищпорил коня и двинулся к невидимой стороне долины.

— Разведчик, — тихо сказал Харпер. — Выяснял, есть ли здесь кто-нибудь.

— Разведчик, да только никуда не годный, — прокомментировал Шарп.

— Тем не менее, — с жаром заметил Прайс, — нам повезло, что мы идем в другом направлении.

— Нет, Гарри, не идем. Надо выяснить, кто они такие и что собираются делать. — Шарп указал на склон холма. — Вы первый, Гарри. Берите своих ребят и дуйте туда. На середине подъема останавливайтесь и ждете.

Лейтенант повел красномундирников вверх по крутому склону. Половина роты носила красные кители британской линейной пехоты, другая же половина, как и сам Шарп, была одета в зеленые кители элитных стрелковых частей. В красномундирный батальон стрелков привел каприз войны, но задержала их там исключительно бюрократическая инерция, и теперь отличить одних от других бывало нелегко, поскольку форма и у первых, и у вторых изрядно истрепалась, полиняла и выгорела. Издалека все выглядели одинаково бурыми, поскольку латали одежду дешевой и невзрачной португальской тканью.

— Думаете, мы перешли границу? — спросил Харпер.

— Может, и перешли, — хмуро ответил Шарп, все еще злясь на себя. — Хотя никто толком не знает, где она, эта чертова граница, — добавил он, словно оправдываясь.

И отчасти это было справедливо. Французы отступали из Португалии. Всю зиму 1810 года неприятель стоял перед линией оборонительных сооружений Торриш-Ведраш, на расстоянии полусуточного перехода от Лиссабона, замерзая и голодая, но не отступая к испанским базам снабжения. Маршал Массена́ знал, что ретирада означала бы сдачу британцам всей Португалии, тогда как штурм линий Торриш-Ведраш будет чистейшим самоубийством, а потому он просто топтался на месте, претерпевая тяготы зимы и взирая на внушительные земляные укрепления, перегородившие узкий полуостров севернее Лиссабона. Долины между

холмами блокировались массивными дамбами или баррикадами из колючего кустарника, а на изрытых траншеями вершинах и склонах стояли артиллерийские батареи.

Английские укрепленные позиции, голодная зима и непрекращающиеся нападения партизан в конце концов превозмогли стремление французов захватить Лиссабон, и в марте Массена решил отступить.

Теперь, в апреле, он остановился на испанской границе. Здесь, на изрезанных речками холмах, маршал вознамерился дать британцам бой и победить, тем более что спину ему подпирали крепости-братья Бадахос и Сьюдад-Родриго. Две испанские цитадели превратили границу в непреодолимый барьер. Впрочем, сейчас Шарп беспокоился не из-за грядущего столкновения, а из-за таинственного всадника в сером.

Как только лейтенант Прайс достиг мертвого пространства на полпути к вершине, где и укрылись его солдаты, Шарп жестом послал вперед стрелков. Холм был крутой, но зеленые кители поднимались быстро. Как все опытные пехотинцы, они испытывали естественный страх перед вражеской кавалерией и знали, что чем выше заберутся, тем надежнее обезопасят себя.

Пройдя мимо устроившихся на отдых красномундирников, Шарп продолжил подъем, направляясь к гребню хребта, разделявшего две долины. Возле вершины жестом приказал стрелкам залечь в невысокой траве, после чего пробрался на самый верх, откуда заглянул в долину, где исчез серый всадник.

И увидел футах в двухстах под собой французов.

Все они были в чудной серой форме, но Шарп сразу понял, что это французы, потому что один из них нес гидон на кавалерийской пике. Маленький раздвоенный флажок, назначение которого в том, чтобы отличать своих от чужих в хаосе боя, выглядел поблекшим и потрепанным, но красная, белая и синяя полосы выдавали неприятельский триколор.

В центре маленького поселка сидел на лошади человек со штандартом, а его спешившиеся товарищи обыскивали несколько сложенных из камня и крытых соломой хижин, вероятно служивших временным приютом для крестьян, которые жили ниже, в долине, и в летние месяцы пригоняли скот на горные луга.

Кавалеристов было немного, полдюжины, но их сопровождала группа пехотинцев, также сменивших свою синюю форму на невзрачную серую. Пехотинцев Шарп насчитал восемнадцать.

Вслед за ним на вершину заполз Харпер.

— Иисус, Мария и Иосиф, — пробормотал он, увидев французов. — Серое обмундирование?

— Может, ты и прав. Может, эти ублюдки и впрямь извели всю краску.

— Пусть бы у них лучше пули для мушкетов кончились, — сказал Харпер. — Так что будем делать?

— Уйдем. Связываться с ними, чтобы просто подраться, нет смысла.

— Да будет так. — Харпер начал сползать вниз. — Уходим сейчас?

— Подожди минутку. — Шарп пошарил за спиной, где в его французском ранце из воловьей кожи лежала подзорная труба. Затем, выдвинув защитный козырек, чтобы линза не отражала мутный свет серого дня, направил трубу вниз, на домишки. Шарп не был богачом, но владел замечательным инструментом, изготовленным лондонским мастером Мэтью Бургом: латунная окантовка линз, защитные крышки и накладка на ореховом корпусе, с выгравированной надписью: «С благодарностью от А. У. 23 сентября 1803». Буквы А. У. обозначали Артура Уэлсли, ныне виконта Веллингтона, генерал-лейтенанта и главнокомандующего британской и португальской армиями, которые теснили маршала Массена к испанской границе. Но 23 сентября 1803 года пронзенный пикой конь генерал-майора

Артура Уэлсли сбросил своего всадника на землю, едва ли не под ноги наступавшим врагам. Шарп отлично помнил, с каким восторгом кричали индийцы, когда среди них вдруг оказался красномундирный генерал, а вот то, что происходило в последующие секунды, в памяти почти не запечатлелось. Тем не менее именно в те считанные мгновения судьба выхватила его, уроженца трущоб, из солдатской шеренги и произвела в офицеры британской армии.

Прижимая к глазу подарок Веллингтона, он наблюдал за спешившимся кавалеристом, который нес от речки брезентовое ведро с водой. Сначала Шарп подумал, что драгун хочет напоить свою лошадь, но тот остановился между двумя лачугами и стал поливать землю.

— Фуражиры, — догадался Шарп. — А трюк с водой старый.

— Проголодались, поганцы, — сказал Харпер.

Из Португалии французов гнали даже не столько силой оружия, сколько голодом. Отойдя к рубежу Торриш-Ведраш, Веллингтон оставил после себя разоренную местность — с пустыми амбарами и отравленными колодцами. Пять месяцев французы продержались за счет того, что подчищали покинутые населением деревушки. Они здорово наловчились отыскивать спрятанные жителями припасы. Один из способов обнаружения закопанных емкостей с зерном заключался в поливании земли водой. Там, где землю вскапывали, вода уходила быстрее.

— В горах съестное не прячут, — презрительно проговорил Харпер. — Ну кто потащит сюда зерно?

И тут внизу закричала женщина.

Поначалу Шарп и Харпер подумали, что кричит какое-то домашнее животное. Звук был приглушен и искажен расстоянием, а кроме того, гражданских лиц в поселке они не заметили. Но вопль заметался между холмами, и заключенный в нем ужас пронял обоих мужчин.

— Вот же скоты, — сказал Харпер.

Шарп сложил зрительную трубу.

— Она в одном из домишек. Сколько с ней? Двое? Может, трое? Значит, всего их там не больше тридцати.

— Нас сорок, — с сомнением добавил сержант.

Не то чтобы он боялся, но преимущество не было настолько подавляющим, чтобы гарантировать бескровную победу.

Женщина снова закричала.

— Приведи Прайса, — распорядился Шарп. — Скажи всем, чтобы приготовились и не высовывались. — Он обернулся. — Дэн! Томпсон! Купер! Харрис! Сюда! — (Эти четверо были его лучшими стрелками.) — Не высовываться! — повторил он, дожидаясь, когда солдаты поднимутся на гребень. — Через минуту я поведу остальных вниз. А вы прикрывайте отсюда. Валите каждого ублюдка, который покажется опасным.

— Они уже уходят, — сказал Дэниел Хэгмен, самый старший в роте солдат и лучший стрелок.

Чеширский браконьер, он в свое время воспользовался шансом и записался в армию, предпочтя ее каторге, которая грозила ему за пару фазанов, подстреленных в поместье отсутствующего лендлорда.

Шарп обернулся. Французы уходили. Точнее, уходило большинство — последние пехотинцы в колонне то и дело оборачивались и кричали что-то, обращаясь, похоже, к своим товарищам, оставшимся в лачуге, из которой и доносились женские вопли. Отряд с полудюжиной кавалеристов во главе устало тянулся вдоль речушки в направлении большой долины.

— Небрежничают, — заметил Томпсон.

Шарп кивнул. Оставлять людей в поселке — дело рискованное, а к риску в чужой стране французы не были склонны. Испания и Португалия кишели герильерос, партизанами, которые вели свою маленькую войну, зачастую куда более жестокую, чем «традиционная» война между французами и британцами. Насколько свирепа герилья,

СОДЕРЖАНИЕ

БИТВА СТРЕЛКА ШАРПА

Перевод С. Самуйлова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	229
Историческая справка	358

РОТА СТРЕЛКА ШАРПА

Перевод Е. Доброхотовой-Майковой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ <i>Январь 1812 г.</i>	367
ЧАСТЬ ВТОРАЯ <i>Февраль-март 1812 г.</i>	430
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ <i>День святого Патрика, 17 марта – Пасхальное воскресенье, 29 марта 1812 г.</i>	476
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ <i>Воскресенье, 4 апреля – понедельник, 6 апреля 1812 г.</i>	559
Историческая справка	633